

Содержание

Шагатели.....	5
Надстоятели.....	151
От автора.....	252

ШАГАТЕЛИ

Посвящается памяти Николая Романецкого

Совпадения с реальными именами
случайны, все события вымышлены

Мы думали, надо менять страну, а оказалось, надо менять планету.

Неустановленный эмигрант из СССР

Дверь закрипела с подвыванием, и, просыпаясь, Башмак подумал, что не будет он петли смазывать. Вот ещё. Наоборот, надо и в ставни песку насыпать, чтобы так же визжали. Чтобы никто по-тихому к нему в халупу пролезть не смог. А то ездят тут некоторые... Он откинул дерюгу, которой укрывался с головой, и резко сел на топчане.

В дверной проём пыталась втиснуться девочка-арка на инвалидном кресле. У неё бы получилось, но был ещё и порожек, специально вбитый Башмаком между косяками. Злобно поглядывая, девочка встала на рахитичные ножки и, придерживая одной рукой голову на тонкой шейке, другой вкатила кресло в комнату. Снова уселась, отдуваясь. Устала. Башмак заспанно хлопал глазами и ковырял в носу. Дескать, что с нас, лебов, взять, хорошим манерам не обучены.

— Шагатель, ты нужен заведующим, — надменно произнесла девочка. — Они ждут тебя после вечерней службы.

— Непременно буду, — испуганно ответил Башмак. — Во имя Колеса Изначального.

— Во имя Обода Его. — Девочка осенила себя Ободом Колеса, и Башмак торопливо повторил жест.

Помолчали. Девочка, не скрывая любопытства, разглядывала сваленное в углу походное снаряже-

ние: сапоги, рюкзак, песчаные лыжи... Башмак встал, подтянул шорты и, шлёпая босыми ногами по доскам, подошёл к гостье. Она уставилась на его мускулистые ноги.

— У тебя всё, благородная ари? — вежливо спросил он.

— Всё, шагатель, — ответила девочка.

— Благодарю тебя за след колеса.

Башмак почтительно взялся за спинку кресла, развернул и выкатил девочку из хижины. В последний момент не удержался и специально резко толкнул через порожек, так что крупная голова в кудряшках смешно дёрнулась вниз, и арка ойкнула. А что поделаешь, если мозгов до фига, подумал Башмак.

Он легонько подтолкнул кресло, и дальше по пыльной улице, напоследок сердито зыркнув, девочка покатила сама. К нему подъехала соседка, тётя Шура. Коляска у неё была на антигравитационной подушке, а солнечные батареи на крыше дома давали хоть и слабенькое, но стабильное электрическое освещение. Тётя Шура была одной из немногих аров на Главной Станции, кто относился к нему по-человечески. Не как к безголовым ахтам, которые на трёхколёсных мотоповозках с утра до ночи трудились в поле. Башмак часто помогал ей в огороде и не брал платы за доставку почты. Она помнила его родителей, приличных аров, у которых, вот беда, родился шагатель. В тонкой руке соседка держала сухарь, намазанный джемом.

— Возьми, Башмачок, полакомись, — сказала тётя Шура.

— Колесо спасёт тебя, тётя Шура, — поблагодарил Башмак, вгрызаясь в угощение.

ШАГАТЕЛИ

— Да брось ты! — засмеялась тётя Шура и, лихо крутнув коляску, поплыла к себе во двор. Она была очень старая и уже не боялась ни заведующих, ни Колеса, ни Обода Его.

Башмак, загребая пыль босыми ногами, потопал к Лабораториуму. Дверь и ставни он запирать не стал. Всё самое интересное с последней ходки он надёжно припрятал, а если стража заведующих захочет заглянуть к нему, не следует лишний раз дразнить одноногих. У них и так служба не лёгкая — на дежурство им колясок не выдают, на костылях скачут.

Последнюю банку консервов Паркинсон открыл бережно, не пролив, несмотря на трясущиеся руки, ни капли томатного соуса. Он отогнул крышку, облизал нож и, как мог скорее, на дрожащих ногах, отошёл от стола, чтобы не вдыхать упоительный пряный рыбный запах. В углу сел в плетёное кресло, постарался успокоиться.

— Анечка, внучка, — позвал он. — Иди кушать.

На разболтанной инвалидной коляске в комнату въехала девушка с такими же, как у деда, иссиня-чёрными волосами, взяла со стола открытую банку, ложку, подъехала к старику.

— Ешь, — требовательно сказала она и зачерпнула рыбную фрикадельку, поднесла к губам Паркинсона.

И только после того, как старик начал жевать, уже следующую ложку отправила в рот себе. Так они и ели: кусочек ему, кусочек ей. Паркинсон виноватосмаргивали с тревогой следил за быстропустеющей банкой. Аня платком вытерла ему подбо-

родок, выбросила пустую банку в ведро, съездила в другую комнату за пледом, вернулась и укутала старику ноги. Паркинсон сидел, и трясясь, и проклинал себя за беспомощность.

— Я не смогу дойти до Главной Станции, — в который раз повторил он. — И ты не сможешь.

— Я знаю, — ответила Аня. — Но я могу попробовать.

— Нет. — Старик затрясся еще сильнее. — Я тебе запрещаю.

— Но тебе нужно лекарство. И еды совсем не осталось.

— Я вскрою Дар Колеса.

— А вот это я тебе запрещаю, — прошептала Аня. — Ты же знаешь, что с тобой тогда заведующие сделают.

— Мне плевать.

— А мне нет.

Она решительно встала. Сделала несколько неуверенных шагов по комнате. Поморщилась.

— Всё же тебе надо было позволять мне иногда ходить. Хотя бы когда мы одни, — сказала Аня.

— Могли увидеть.

— Кто? У нас же гостей не бывает. Да и кому к нам в гости ходить?

Старик знал, что она права. На Подстанции кроме них проживали только две семьи аров. А ары к лебам в гости не ходят. Но могли случайно заглянуть тупые ахты.

— Я не хотел, — сказал Паркинсон. — Я очень не хотел, чтобы ты стала шагателем.

Он заплакал, и Аня подошла к нему, обняла за плечи.

ШАГАТЕЛИ

— Дед, ну не получилось бы скрывать это вечно. Если уж я родилась шагателем, значит, на то воля Колеса.

— Воля Колеса! — с болезненным сарказмом передразнил её старик. — А почему не телеги? Или велосипеда?

— Не кощунствуй, — строго сказала Аня. — И я не знаю, что такое велосипед.

— Разумеется, — захихикал Паркинсон. — В безном мире велики не нужны.

— Тебе срочно нужно твоё лекарство, — печально сказала Аня. — Ты опять начинаешь... фантазировать.

— Ты хотела сказать «бредить». Чего уж там, давай, все же знают, что я давно из ума выжил!

— Дедушка... — Аня прижала его голову к груди, но Паркинсон оттолкнул её.

— Шестнадцать лет я скрывал от всех, что ты можешь ходить. Чтобы у тебя было нормальное будущее, чтобы ты не стала изгоем в этом дурдоме, могла нормально выйти замуж, может быть, даже стать заведующей... С твоими способностями это было бы несложно! А ты хочешь всё разрушить.

— Не забывай, что нам просто нечего жрать, — тоже раздражаясь, но ещё сдерживая себя, сказала Аня. — Сегодня. Сейчас. А не когда-нибудь.

— Хорошо, — спокойно сказал Паркинсон. — Продай соседям нашего ахта. Продай за половину цены.

— Хорошо, — согласилась Аня, снова залезла в кресло и выехала из комнаты. Она не стала говорить, что продала единственного ахта ещё неделю назад.

Служба уже заканчивалась, когда Башмак зашёл в полуразрушенное здание Лабораториума. Без малого пятнадцать лет прошло с Дней Гнева Колеса, а руины так и не отстроили. Сквозь дыры в крыше солнечные лучи били прямо в алтарь. Заведующий Александр Борисович раскрутил позолоченное колесо, закреплённое над алтарём, в котором, по преданию, хранились подшипники Колеса Изначального. Яркие блики весело поскакали по молитвенному залу. Народ потянулся к выходу. Ары, как и положено, выезжали первыми. Те, у кого кресла были самоходными, на ходу доставали шахматные доски, расставляли фигуры. Лебы, на колясках попроще, теснились в ожидании. Башмак тоже посторонился и поймал на себе цепкий взгляд заведующего. Александр Борисович, завершая службу, двуручно осенил разъезжающихся прихожан Ободом Колеса и сразу кивнул шагателю здоровенной башкой: двигай сюда.

Башмак протиснулся между колясками, робко приблизился к заведующему, махнул перед собой ладонью, изобразив Обод Колеса. Заведующий укоризненно взглянул на него и медленно сделал ритуальный жест в соответствии с Завещанной Инструкцией: вытянув руку перед собой раскрытой ладонью вперёд, нарисовал в воздухе окружность. Башмак старательно повторил.

— Здравствуй, шагатель, — сказал Александр Борисович.

— Здравствуйте, заведующий, — почтительно ответил Башмак.

— С тобой будут говорить Спицы Колеса.

ШАГАТЕЛИ

И, ласково улыбнувшись обомлевшему шагателю, заведующий развернул свою коляску и покатился вглубь Лабораториума, за алтарь с крутящимся колесом, туда, где в сумраке угадывался коридор. Башмак, обмирая от страха, поплёлся следом. Ни разу в жизни он ещё не заходил за алтарь. Немногие из аров удостаивались такой чести, а лебы и к алтарю-то не всегда близко подходили. Сапоги хоть надо было надеть, подумал Башмак, чё же я, босиком-то.

Коридор оказался очень длинным, было непонятно, как он помещается в небольшом здании Лабораториума. Разве что под землёй тянется, размышлял Башмак. Навстречу им проехали двое незнакомых шагателю заведующих, с интересом взглянули на него. Он, как мог на ходу, почтительно раскланялся. Вдруг заведующий резко остановился перед неприметной дверцей, оглянулся на шагателя, тихонько постучал.

— Да! — сердито крикнули из-за двери.

Александр Борисович толкнул дверь, въехал. Башмак шагнул за ним и замер на пороге.

— Дверь закрой! — рявкнули на него. — Сквозит.

При этом Спица Колеса не оторвал взгляда от шахматной доски. Он ёрзал в своём кресле, хватался за колёса, то отъезжая на полшага от маленького столика, то снова подъезжая вплотную, потом отпускал колёса и принимался яростно массировать себе уши.

— Не психуй, — насмешливо сказал ему партнёр, постукивая пальцами по часам.

— Я не психую!

— Психуешь...

— Да не психую!

- Время...
- Да погоди!
- Время.
- Ну сейчас!
- Время!

Он торжествующе рассмеялся, а проигравший Спица Колеса зло повалил своего короля на доску.

— Ты всегда в эндшпиле по темпу проваливаешься.

— Да я ладьи просто сдвоить не успел!

— Я и говорю: темп просаживаешь.

Они сыпали непонятными шахматными терминами, а Башмак изумлённо разглядывал этих стариков, о которых ходили страшные легенды, которых боялись, и которыми восхищались, и которые сами по себе были живыми легендами. Он видел их всего несколько раз в жизни, издалека, на больших праздниках. Тогда, в ритуальных одеждах, они казались ему исполненными величия, а сейчас перед ним были два очень старых человека, маленьких, невзрачных, и даже казалось, от них пахнет тленом, хламом и плесенью. Нет, не казалось. Точно — мочой воняло.

— Шурик, кто это? — наконец соизволил обратиться на них внимание тот, кого Башмак про себя назвал Психом.

— Это Башмак, — просто ответил Александр Борисович. — Шагатель.

— Ах, шагатель. — Псих поманил Башмака пальцем. — Подъезд-ка, пацанчик.

Башмак приблизился.

— Слушай, шагатель, — сказал Псих. — А ты не хочешь палачом поработать? Мы тебе ахта подарим.

Как только дед задремал, Аня взяла корзинку и выехала из дома. Она проехала мимо особняка аров Малинниковых. Это были добрые люди, и с тех пор как расхворался Паркинсон, они уже несколько раз выручали Аню продуктами. Они же купили у неё ахта. И не за полцены, а по нормальной стоимости. Вот только деньги кончились быстрее, чем Паркинсон поправился. Просить что-либо у Малинниковых ещё раз Ане было невыносимо стыдно.

Она подъехала к коттеджу Любви Петровны, вредной арки средних лет, одинокой и склочной, которая вечно норовила недоплатить Паркинсону за доставленный товар. Из открытых окон доносилась музыка. Любовь Петровна была меломанкой. Патефон играл аргентинское танго. Аня представила, как надменная арка сама с собой вытанцовывает танго, нарезая коляской круги в тесной комнате, и ей стало весело.

— Ари Люба, — позвала она и постучала в тонкую дверь. — Это я, Аня.

Музыка оборвалась, дверь распахнулась, и на встречу Ане выкатилась Любовь Петровна. Раскрасневшаяся и тяжелодышащая. Точно, под музыку круги нарезала, подумала Аня.

— Где твой дед? — с ходу завелась арка. — Уже месяц у меня не было свежей почты! Я не получаю письма из Главной Станции, а у меня не закончена партия по переписке с их заведующим. Я не получаю «Шахматный вестник» с новыми этюдами, я не решаю задачи, я тупею! У меня сенсорное голодание. Ты хоть знаешь, что это такое?

Климакс у тебя, ведьма, подумала Аня и сказала: — Дедушка приболел, ари Люба.

— Так что?! Из-за старого паралитика я должна травиться консервами из Дара Колеса? Мне необходимо нормальное питание, я готовлюсь к чемпионату. Мне нужна свежая рыба и фрукты. Если твой дед больше не может снабжать нас, как раньше, пусть подаёт в отставку, Спицы пришлют нового шагателя. Во имя Колеса!

— Во имя Обода Его! — откликнулась Аня и жалобно продолжила: — Ари Люба. Дедушке нужны лекарства. Не могли бы вы одолжить нам немного денег?

— Какая дерзость! — завопила арка. — Эти лебы совсем обнаглели, скоро на наших колясках ездить начнут. Слушай, деточка. Если твой дед сегодня же не отправится на Главную Станцию, я не знаю, что сделаю!

Если никто не отправится на Главную Станцию, то и ты, и Малинниковы скоро и сами начнёте с голода подыхать, подумала Аня. Деньги кончатся, жратва кончится, а на Главной Станции и месяц, и два, и полгода никто не хватится, что старый Паркинсон давно не захаживал. Может, он стал из Автопарка товары носить. Хоть и дальше, зато дешевле. А картошки с огорода Малинниковых, может, на неделю хватит, не больше.

Любовь Петровна продолжала орать, а Аня медленно встала, скинула высокие сапожки и подняла длинную юбку выше колен, обнажая ноги. Не сильно мускулистые, как у бывалых шагателей, но и не рахитичные, с атрофированными ступнями. Арка захлопала глазами, заткнулась и только шлёпала по инерции губами.

— Ари Люба, я ваш новый шагатель. Давайте деньги, я схожу на Главную Станцию и принесу

ШАГАТЕЛИ

вам письма, журнал и продукты. Только давайте сразу и предоплату, и расчёт.

Поражённая Любовь Петровна молча вытянула из лифчика несколько купюр и подала Ане. Девушка взяла деньги, уселась в кресло, потом усмехнулась, встала, натянула сапоги и пошла неуверенной походкой прямо к терминалу Дара Колеса, расположенному неподалёку. Засунув деньги в щель приёмника, набрала на табло комбинацию цифр. В лоток посыпались консервы, конфеты, пачка сухарей и упаковка чая. Она бережно перегрузила всё в корзинку и поспешила домой. Надо было успеть сбежать до того, как проснётся дед.

А Любовь Петровна смотрела ей вслед и почему-то плакала.

Дождавшись сумерек, Башмак прокрался к изолятору и, присев под зарешёченным окошком, позвал:

— Тапок! Эй, Тапок!

— Кто здесь? — раздался хриплый голос.

— Это я, Башмак.

— А, Башмачок. — Слышно было, что Тапок улыбнулся. — Навестить пришёл?

— Ага, навестить, — зло ответил Башмак. — Ты скажи мне, ты что такое отчебучил, что Спицы тебя казнить решили?

— Всё-таки казнят? — прохрипел Тапок. — Ах, суки! Я думал, всё же обойдётся...

— А вот не обошлось.

— Жаль.

— Жаль.

Они молчали, каждый думая о своём.

— Я за Обод Колеса хотел уйти, — наконец произнёс Тапок.

— Что?! — изумился Башмак. — Да как же? Там же нет ничего! Вечная тьма...

— Ты сам-то в это веришь?

— Веришь, не веришь — какая тебе теперь разница? Колесовать тебя хотят. Во имя Колеса, сам понимаешь, Изначального. — Башмак зло сплюнул.

— Колесовать?! Ой-ё... Во как я их достал. А ведь давно казней не было, я уж думал, угомонились.

— Давно. Так давно, что палач-то у них и помер.

— Одноглазый?

— Ага. — Башмак помолчал и всё же добавил: — Они мне предлагают... это. Казнить тебя.

— Тебе? — Тапок заржал. — Вот затейники.

— Смешно тебе? — возмутился Башмак.

Он встал, вцепился в прутья решётки так же, как с той стороны Тапок. Заглянул ему в глаза. Глаза у Тапка ярко блестели в свете заходящего солнца.

— Ну, ты согласился? — с интересом спросил Тапок.

— Подумать обещал.

— Молодец, взрослеешь...

— Зачем ты к Ободу пошёл? Вот скажи мне — зачем?

— Знаешь, — сказал Тапок, — совсем неумоготу стало. Рожи эти, Колесо это, заведующие, стража их. Таскаешь им, таскаешь, а они в шахматы, сука, играют! Мозгов у каждого телега, а они играют. Вот у соседки твоей, тётки Шуры, коляска по воздуху летает! Антигравитация! Это же кто-то придумал и смастерил. А кто? Не лебы же! Мастер